

Явление синкретизма, т.е. омонимии форм, выражающих грамматические значения, в данном языке в принципе имеющие и разное материальное воплощение, известно лингвистике давно и не было обойдено вниманием ни специалистов по отдельным языкам и языковым семьям, в особенности индоевропейской, ни лингвистами-теоретиками, изучавшими его как в синхронном, так и в историческом аспекте. Тем не менее, собственно типологического исследования данного феномена, основанного на значительной выборке языков и рассматривающего синкретизм в самых разных его проявлениях, до сих пор не было. Рецензируемая монография “Интерфейс между синтаксисом и морфологией: Исследование синкретизма”, написанная коллективом британских ученых под руководством известного типолога Гревилля Корбета, наконец, заполнила эту досадную лауну.

В основе монографии лежит база данных, в которой собраны все случаи синкретизма, наблюдаемые в тридцати языках разной генетической и ареальной принадлежности¹, и также несколько менее детальное исследование этого феномена на выборке из двухсот языков, проведенное в рамках проекта “Всемирного атласа языковых структур” [Dryer et al. (eds.) 2005]. Тем самым, данная книга являет собою беспрецедентное по охвату языкового материала исследование конкретного морфологического явления, выполненное на самом высоком современном уровне (то же можно сказать и о монографических работах Г.Г. Корбета, посвященных роду и именному классу [Corbett 1991] и числу [Corbett 2000]). Появление этой книги – важная вежа в изучении синкретизма, поскольку лишь теперь лингвистам наконец стали видны границы данного явления, и лишь теперь можно с довольно большой степенью достоверности говорить о том, какие случаи синкретизма возможны или встречаются часто, а какие редки или не встречаются вовсе. Это особенно важно потому, что на протяжении всего XX столетия появлялись работы, где на основании небольшого числа языков делались далеко идущие выводы о возможных и невозможных случаях синкретизма и о тех свойствах грамматической структуры человеческого языка, которые обуславливают открытое тем или иным автором распределение (ср., например [Якобсон 1936/1985; Bierwisch 1967; Carstairs 1984; Noyer 1997; Harley, Ritter

2002]). В рецензируемой монографии ряд таких теоретических концепций подвергаются критическому разбору и отвергаются ввиду того, что они не соответствуют разнообразию моделей синкретизма, реально наблюдаемому в языках мира.

Книга состоит из шести глав и приложений, а также полной библиографии и указателей имен, языков и понятий. В первой главе-введении авторы дают предварительное определение понятию синкретизма, кратко рассматривают историю вопроса и описывают методологию исследования и структуру книги. Остановимся на определении синкретизма; его ключевые моменты таковы:

- (i) имеется морфологическое различие, релевантное для синтаксиса, т.е. различие между граммемами словоизменительных категорий;
- (ii) имеется невозможность при определенных морфологических условиях провести это различие;
- (iii) как результат, противоречие между морфологией и синтаксисом.

Таким образом, в сфере рассмотрения книги находится лишь омонимия при выражении некоторых словоизменительных значений, причем обусловленная морфологическим (а не, скажем, фонетическим) контекстом. Сравним русские примеры (1) и (2):

- (1) а. *Маша читает книгу.*
б. *На столе лежит книга.*
- (2) а. *Маша читает письмо.*
б. *На столе лежит письмо.*

Даже если отвлечься от вопроса о том, какие конкретно морфологические категории представлены в этих примерах, очевидно, что синтаксическое противопоставление подлежащего и прямого дополнения в примере (1) отражается в морфологии, а в примере (2) – нет, причем совпадение форм слова *письмо*, выступающих в этих синтаксических контекстах, не может быть сведено ни к каким фонетическим закономерностям и, тем самым, является синкретизмом. Напротив, фонетическое совпадение форм слова *озеро*, выступающих в позиции подлежащего и зависящего при имени (*вода озера*) – [бз’еръ], не синкретизм, поскольку обусловлено правилом фонетической редукции, никак не влияющей на морфологическую структуру.

Еще один важный компонент определения синкретизма – требование полного совпадения словоформ, выражающих те или иные граммы или комбинации грамем, а не только отдельных аффиксов. Так, при одном из возмож-

¹ Эта база данных доступна в интернете по адресу <http://www.smg.surrey.ac.uk>.

ных описаний русского спряжения можно считать, что в формах *бежит* и *бегут* представлен один и тот же недифференцированный по числу суффикс третьего лица *-т*, однако это не синкретизм, поскольку данные формы материально не совпадают.

Вторая глава (Characteristics of syncretism) посвящена наиболее общим характеристикам рассматриваемого явления: типам моделей синкретизма, классам парадигм, в которых может наблюдаться синкретизм, таким морфологическим свойствам синкретизма, как регулярность, направленность, немаркированность, и основным теоретическим интерпретациям случаев синкретизма в терминах нейтрализации, неоформленности и омонимии показателей. Рассмотрим некоторые из этих параметров подробнее. С точки зрения структуры затрагиваемых синкретизмом грамматических значений, синкретизм может быть простым, когда совпадают два или несколько значений одной грамматической категории (ср. омонимию форм абсолютного и релятивного падежей в неединственном числе в эскимосско-алеутских языках), вложенным, когда множество совпадающих граммем в части парадигм является подмножеством совпадающих граммем в другом классе парадигм (например, в русском языке у слов склонения типа *рука* омонимичны дательный и предложный падежи, а у слов склонения типа *кость* к ним присоединяется еще и родительный), контрарным, когда разные модели синкретизма не образуют иерархии вложенных множеств граммем, ср. именные парадигмы нилотского языка нуер в табл. 1². К контрарному синкретизму примыкают случаи морфологически несамостоятельных граммем (ср. [Зализняк 1973/2002]), когда некоторое синтаксически релевантное значение вообще не имеет самостоятельного средства выражения.

Наконец, возможен **полярный синкретизм**, когда омонимичные формы различаются значениями разных грамматических категорий; так, в древнегреческом языке наблюдался синкретизм первого лица единственного числа и третьего лица множественного числа в ряде временных форм.

“Сфера действия” той или иной модели синкретизма, т.е. множество парадигм, в которых он присутствует, может быть ограничена разными факторами, такими как словоизменятельный класс лексемы, морфонологический тип основы, позиционный класс аффиксов, выражающих соответствующие значения, наличие чередований в основе, а также присутствием в словоформе тех или иных значений других грамматических категорий.

Синкретизм может быть **регулярным**, т.е. зависеть лишь от значений грамматических категорий, но не от конкретных аффиксов, их выражающих. Так, в русском языке синкретизм винительного падежа с именительным или родительным во множественном числе обусловлен лишь грамматическим признаком одушевленности, но не тем, каким именно окончанием выражен тот или иной падеж у данной лексики. Важнейшее свойство синкретизма – **направленность**: омонимичный показатель может совпадать с аффиксом, в ряде контекстов выражающим лишь одно из значений, в другом случае синкретичных. Например, в русском языке у слов склонения типа *жена* синкретичное окончание дательного и предложного падежей *-е* совпадает с несинкретичным окончанием предложного падежа у слов склонения типа *стол*, и можно говорить о том, что дательный падеж принимает у слов типа *жена* форму предложного.

В некоторых случаях в качестве синкретичной выступает морфологически немаркированная форма слова; так, в английском языке

Таблица 1

Контрарный синкретизм в нуер

	‘собака’	‘цапля’	‘девушка’	‘жук’
NomSg	<i>jïök</i>	<i>bööŋ</i>	<i>nyal</i>	<i>baan</i>
GenSg	<i>jiok</i>	<i>bööŋka</i>	<i>nyal</i>	<i>baanka</i>
LocSg	<i>jiook</i>	<i>bööŋka</i>	<i>nyaal</i>	<i>baan</i>

² Транскрипция упрощена.

именно “голая” основа глагола является наиболее синкретичной, совмещающая значения инфинитива, императива и презенса (кроме третьего лица единственного числа).

Наконец, разные случаи синкретизма можно интерпретировать по-разному в зависимости от того, что происходит с вовлеченными в синкретизм граммемами. Не й т р а л и з - е й уместно называть те случаи, когда противопоставление значений некоторой категории в определенном контексте вообще пропадает, утрачивая даже синтаксическую релевантность; таково, например, отсутствие морфологического противопоставления по роду во множественном числе в русском языке. Напротив, когда некоторое противопоставление, будучи синтаксически релевантным, не получает никакого морфологического выражения, можно говорить о н е о ф о р м л е н н о с т и; таковы русские несклоняемые существительные типа *пальто* и *кенгуру*: они именно не выражают категорию падежа, но, несомненно, имеют ее, поскольку прилагательные могут с ними согласовываться. Наконец, к а н о н и ч е с к и й с и н к р е т и з м, которому уделается максимум внимания в рецензируемой книге, – такой, который не может быть описан ни как нейтрализация, ни как неоформленность: во-первых, он затрагивает не все значения некоторой категории, а лишь некоторые, во-вторых, невыраженное формально противопоставление сохраняет свою роль в синтаксисе.

Центральная и самая большая в монографии – третья глава (Cross-linguistic typology of features). В ней последовательно рассматриваются все отмеченные в языках мира типы синкретизма граммем различных грамматических категорий (падежа, числа, лица, видовременных и модальных категорий) и устанавливают некоторые закономерности их распределения.

В области падежного синкретизма авторы выделяют три основных типа: (i) синкретизм ядерных грамматических падежей (номинатива и аккузатива или эргатива); (ii) синкретизм ядерного падежа с периферийным падежом; (iii) синкретизм периферийных падежей. Каждый из этих типов подчиняется своим собственным закономерностям. Синкретизм ядерных падежей напрямую связан с так называемой “иерархией одушевленности” [Silverstein 1976; Dixon 1994; Тестелец 2003]: номинатив и аккузатив, как правило, синкретичны у неодушевленных имен, различаясь у одушевленных и/или личных местоимений; номинатив и эргатив, напротив, во многих языках синкретичны у местоимений и/или одушевленных имен и различаются у неодушевленных. На эти тенденции могут накладываться также такие

параметры, как число (синкретизм скорее происходит в неединственном числе) или словоизменительный класс. Что касается синкретизма одного из ядерных падежей с периферийным, то оказывается, что преобладают случаи синкретизма более “периферийного” ядерного падежа (аккузатива или эргатива) с наиболее грамматическими из периферийных (генитивом или дативом)³. Наконец, для синкретизма периферийных падежей не обнаруживается сколько-нибудь отчетливых закономерностей, кроме той, что синкретичны, как правило, бывают падежи с близкими функциями, например, аллатив и датив.

В синкретизме значений категории лица следует различать случаи, когда в глаголе маркируется лицо лишь одного участника ситуации (как правило, субъекта) и когда маркируется лицо как субъекта, так и объекта. В первом случае оказывается, что типологически редки модели синкретизма, где совпадают первое и третье лицо и где синкретизм наблюдается лишь в единственном числе. Интересен также вывод, касающийся случаев направленного синкретизма: вопреки утверждениям, сделанным, например, в работе [Harley, Ritter 2002], наблюдаемые в языках мира случаи направленного синкретизма лиц не обнаруживают сколько-нибудь единообразной картины, которая позволила бы построить универсальную иерархию маркированности для этой категории. Единственное обобщение, которое удается сделать в этой области, заключается в том, что в случае, когда язык вообще утрачивает различие лиц в некотором контексте, синкретичный морфологический показатель синхронно или исторически соотносится с формой третьего лица. В том же, что касается синкретизма лиц в полиперсональном спряжении, оказывается, что чаще всего совпадают лица субъекта при объекте-локуторе (первое или второе лицо, ср. [Кибрик 1997]), что, очевидно, связано с эффектами иерархии одушевленности. Напротив, синкретизм лица объекта встречается редко и никаких обобщений сделать не позволяет.

Для категории рода/именного класса имеются два основных типа синкретизма: синкретизм в контексте неединственного числа и синкретизм в контексте определенных мишеней согласования. Неразличение всех или части родов во множественном числе встречается в очень многих языках; интересно, что нередко синкретичные классы, различаю-

³ К таким же выводам в результате независимого исследования пришел и автор данной рецензии, см. [Аркадьев 2005].

щиеся во множественном числе, обнаруживают большую степень семантической мотивации, нежели полный набор классов, представленный в единственном числе. Ср., например, некоторые диалекты андийского языка, где в обоих числах различаются четыре класса, но распределение их разное: в единственном числе есть классы мужчин, женщин, и еще два класса, содержащих имена как с одушевленными, так и с неодушевленными референтами; во множественном же числе все одушевленные не-мужчины попадают в женский класс. Что касается второго типа синкретизма родов, то он более редок и всегда связан с конкретно-языковыми морфологическими, реже семантическими ограничениями.

Синкретизм чисел в тех языках мира, где у этой категории имеется более двух значений, как правило, связан с контекстно-обусловленной редукцией категории до противопоставления единственного и неединственного чисел. В этом смысле поведение числа в отношении синкретизма оказывается существенно более предсказуемым, чем у других грамматических категорий.

Наиболее гетерогенны случаи синкретизма базовых глагольных категорий – аспекта, времени, наклонения. Их систематизация возможна не с точки зрения участвующих в синкретизме граммем, а по способу морфологической реализации синкретизма, где наблюдаются два основных типа: “подавление аффикса”, т.е. отсутствие в синкретичной форме показателей соответствующих категорий, и наличие собственно синкретичных аффиксов. Оба случая представлены в английском языке: в парадигме стандартного спряжения значения “прошедшее время” и “пассивное причастие” выражаются синкретично суффиксом *-ed*, а у ряда неправильных глаголов эти значения (а также инфинитив, императив и настоящее время) выражает форма безо всякого аффикса (*hit*).

Отдельное внимание в данной главе уделяется также случаям полярного синкретизма, распадающимся на три типа:

- (i) полная полярность;
- (ii) частичная полярность и
- (iii) опосредованная полярность.

Примером полной полярности может служить парадигма определенного артикля в языке сомали, представленная в табл. 2. Частичная полярность, являющаяся, так сказать, “половиной” полной, наблюдается, например, в польском языке (и в некоторых других славянских языках, а также в литовском), где у части имен *а*-склонения совпадают формы родительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа. Опосредован-

ная полярность – это случаи, когда у синкретично выражаемого множества граммем есть подмножество, которое можно описать как простой синкретизм, ср. лично-числовую парадигму из папуасского языка войокесо в табл. 3.

Таблица 2

Полная полярность: определенный артикль в сомали

	ед. ч.	мн. ч.
муж.	- <i>ta</i>	- <i>ka</i>
жен.	- <i>ka</i>	- <i>ta</i>

Таблица 3

Опосредованная полярность: спряжение в войокесо

	ед. ч.	двойств. ч.
1	- <i>onji</i>	- <i>ontae</i>
2	- <i>onji</i>	- <i>onji</i>
3	- <i>i</i>	- <i>onji</i>

Случаи полярного синкретизма редко обнаруживают морфологическую или семантическую систематичность, будучи, как правило, ограниченны конкретным аффиксом и захватывая граммемы, не могущие быть объединенными в естественный класс.

Заключительный раздел этой главы посвящен наблюдаемым в разных языках случаям взаимодействия граммем, подверженных синкретизму, а именно обобщению типов ситуаций, когда в контексте некоторого значения граммы одной категории имеет место синкретизм значений другой категории (ср. более ранние исследования в этой области, в частности [Carstairs 1987; Aikhenvald, Dixon 1998]). В области именных категорий на основании материала выборки авторы делают следующие два обобщения:

- (3) а. Если в данном языке значения категории рода могут служить контекстом для синкретизма в данном классе слов, то они должны и сами быть синкретичны в данном классе слов.
- б. Если в данном языке значения категории падежа могут служить контекстом для синкретизма в данном классе слов, то они должны и сами быть синкретичны в данном классе слов.

Так, например, в русском языке имеется синкретизм рода в контексте падежа, и сама категория падежа во многих случаях синкретична.

Что касается синкретизма в глагольной морфологии, то синкретизм “согласовательных” категорий (лица, числа, рода) встречается чаще, чем синкретизм семантических категорий вида, времени и наклонения, и наличие в языке последнего, как правило, имплицитует наличие первого. Кроме того, как выясняется, синкретизм рода (для глагола – “прототипической” согласовательной категории) вообще не совместим с синкретизмом вида-времени-модальности в пределах одной парадигмы.

Четвертая глава (Formal representation) посвящена разнообразным теоретическим подходам к явлению синкретизма. Основные проблемы, связанные с формальным моделированием этого явления, таковы: (i) как определяется множество граммем, вовлеченных в синкретизм? (ii) Как отражается сам факт синкретизма, т.е. то, что некоторое множество граммем выражается единым показателем? Наконец, (iii) каковы возможные ограничения на явления синкретизма? Эти вопросы и возможные ответы на них рассматриваются в данной главе.

Множество синкретично выражаемых граммем может задаваться как естественный класс, характеризуемый общим значением некоторого абстрактного признака. Например, синкретизм именительного и винительного падежей у русских имен можно рассматривать

[Müller et al. (eds.) 2004] и обсуждение в рецензии [Аркадьев 2006]).

Описание данного случая синкретизма может быть направленным, когда выражение одной из синкретичных граммем отождествляется с выражением другой при помощи так называемого “ссылочного правила” (*rule of referral*, см. [Корбет, Фрэзер 1997]), или симметричным, когда показатель отождествляется сразу со всем множеством граммем. Направленный синкретизм может быть однопольным, когда данная граммема во всех случаях синкретизма выражается одним и тем же “чужим” показателем (ср. русский датив, у слов *a*-склонения совпадающий с предложным падежом) и двунаправленным, когда некоторое множество граммем оказывается вовлеченным в два различных ссылочных правила. Двунаправленный синкретизм, в свою очередь, распадается на два типа: *сходящийся* и *расходящийся*, когда некоторая граммема *A* в одних случаях синкретизма принимает показатель граммемы *B*, а в других – граммемы *C* (ср. русский аккумулятив, вне *a*-склонения всегда совпадающий либо с номинативом, либо с генитивом), и *расходящийся*, когда в одних контекстах граммема *A* принимает показатель граммемы *B*, а в других – граммема *B*, напротив, принимает показатель граммемы *A*, ср. пример из латинского склонения в табл. 4. Важно отметить, что если однопольный и сходящийся двунаправленный синкретизм в принципе поддаются

Таблица 4

Расходящийся двунаправленный синкретизм: латынь

	‘война’, neut.	‘паб’, masc.	‘толпа’, neut.
NomSg	bell-um	serv-us	vulg-us
AccSg	bell-um	serv-um	vulg-us
GenSg	bell-i	serv-i	vulg-i

как связанный с признаком [+ прямой], а родительного, дательного, творительного и предложного у прилагательных женского рода – с признаком [– прямой] (ср. [Якобсон 1936/1985]) – наиболее известное описание русской падежной системы и синкретизма в ней). Не всякий синкретизм, однако, допускает естественную характеристику в терминах абстрактных признаков, а само такого рода описание тех или иных моделей синкретизма подчас превращается в своего рода игру ярлыками, за которыми не стоит никакого содержательного смысла (ср. некоторые статьи из недавнего сборника

описанию при помощи симметричных правил, то для расходящегося двунаправленного синкретизма такое описание в принципе невозможно, что убедительно доказывают авторы. Авторы так же подробно рассматривают предлагающуюся в качестве альтернативы ссылочным правилам модель ранжированных ограничений на морфологическое выражение граммем в рамках теории оптимальности (см. [Wunderlich 2004]) и указывают на то, что эта модель, на самом деле, имплицитно содержит такие правила и, тем самым, не отличается по сути от теории, использующей их в явном виде.

Из предлагавшихся в литературе ограниченных на синкретизм авторы рассматривают три наиболее амбициозные концепции, охватывающие большую эмпирический материал: теории Э. Карстейрса-Маккарти [Carstairs 1987; Carstairs-McCarthy 1998], Р. Нойера [Noyer 1997; 1998] и Г. Стампа [Stump 2001], и показывают их достоинства и недостатки как теоретического, так и эмпирического свойства. Важным фактором в оценке той или иной теоретической концепции синкретизма авторы полагают отношение последней к неизбежным исключениям. Модели синкретизма, предлагающие те или иные ограничения на возможные типы этого явления, как правило, рассматривают не укладывающиеся в построенную классификацию или нарушающие предсказания явления синкретизма как несистематические или случайные. Авторы, однако, предостерегают от такого списывания со счетов “неудобных” явлений, поскольку известны случаи диахронического развития морфологически систематического синкретизма из результатов сугубо фонетического совпадения показателей. Таким образом, более адекватный подход к синкретизму должен рассматривать возможные контрпримеры не как случайные, а как маркированные, необычные, возникающие лишь в особых условиях, требующих отдельного изучения.

Пятая глава (Formal representation and case studies) посвящена разработанной авторами морфологической теории, позволяющей описывать явления синкретизма, так называемой “сетевой морфологии” (Network morphology). Основные идеи и формальный аппарат этой концепции изложены в работе [Корбет, Фрэнклер 1997], поэтому здесь я остановлюсь лишь на некоторых содержательных аспектах. В основе “сетевой морфологии” лежит понятие “наследования по умолчанию”: объекты, описываемые в рамках теории, входят в многоступенчатую иерархическую классификацию, и узлы более низкого уровня (например, “существительные мужского рода”) наследуют всю информацию от вышестоящих узлов (например, “существительные”), за исключением тех случаев, когда они обладают какими-либо специфическими свойствами. Такая система позволяет описывать синкретизмы самой разной степени регулярности и продуктивности: от тех, что проходят через всю систему языка, как, например, синкретизм винительного падежа с именительным или родительным во множественном числе в русском языке, до свойственных лишь отдельным лексемам (как, например, синкретизм всех косвенных падежей у числительных *сорок*, *сто* и *девятьсот*). “Сетевая морфология” использует аппарат ссылочных правил, позволяющих адекватно отразить

различные типы направленного синкретизма, но допускает и симметричные правила в тех случаях, когда для постулирования направленности нет оснований. В качестве иллюстраций в главе приводятся описания синкретизма в глагольной системе кушитского языка дасенеч, исключительно сложного личного спряжения в северо-австралийском языке далабон и русского склонения. Важное достоинство “сетевой морфологии” – наличие у нее компьютерной реализации, позволяющей наглядно проверить, порождает ли формальный анализ конкретного языка все необходимые словоформы. Фрагменты кода программ для описываемых в главе явлений морфологии трех языков даны в приложениях.

В кратком заключении авторы суммируют основные результаты и выводы своего исследования, подчеркивая, что синкретизм, на первый взгляд являющийся лишь незначительным явлением скорее формального, нежели содержательного характера, при более внимательном рассмотрении, учитывающем все разнообразие наблюдаемых в языках мира явлений, оказывается одним из важнейших факторов, лежащих в основе морфологической теории. Действительно, именно наличие синкретизма, понимаемого как отклонение от иконического соотношения значения и формы, свидетельствует о существовании морфологической структуры как таковой, не сводимой к семантическим противопоставлениям.

Приложения, помимо уже указанных кодов программ для “сетевой морфологии” содержат каталог случаев синкретизма падежей и лиц в выборке из 200 языков, разработанной для “Всемирного атласа языковых структур”.

Монография М. Баермана, Д. Брауна и Г.Г. Корбета, как уже говорилось в начале рецензии, – единственное в своем роде масштабное и претендующее на полноту типологическое исследование явления синкретизма. Однако помимо этого данная монография является, пожалуй, образцом весьма редко встречающегося гармонического сочетания очень тонкой и ответственной эмпирической работы, при которой авторы непредвзято относятся ко всем попадающим в сферу их рассмотрения фактам, не отмечая никакие из них заранее как “несистематические” или “случайные”, с четко артикулированной теорией рассматриваемого явления, на глазах читателя как бы “вырастающей” из анализа фактического материала. Специалист-морфолог найдет в этой книге не только все интересные случаи синкретизма значений самых разных грамматических категорий, большая часть которых не только упоминается и иллюстрируется, но и подробно разбирается и обосновывается, но и наиболее

четкую и детальную на данный момент классификацию таких случаев, соотнесенную, с одной стороны, с возможными формальными средствами их описания, и, с другой, с возникающими при их анализе проблемами. Явления синкретизма рассматриваются авторами не только сугубо синхронно, но и с точки зрения их диахронического развития; здесь они не выдвигают оригинальных концепций, но излагаемые ими факты, несомненно, заслуживают внимания.

Единственная претензия, которую можно предъявить к рецензируемой монографии, – определенная неаккуратность в ее оформлении, в частности, отдельные непоследовательности в обозначениях и опечатки, иногда встречающиеся даже в примерах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев 2005 – П.М. Аркадьев. Типология и диахрония: Наблюдения над падежным синкретизмом в славянских языках // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой / Под ред. В.Н. Топорова. М., 2005.
- Аркадьев 2006 – В.Я. 2006. № 4. Рец.: Explorations in nominal inflection / G. Müller, L. Gunkel, G. Zifonun (eds.). Berlin, 2004.
- Зализняк 1973/2002 – А.А. Зализняк. О понимании термина “падеж” в лингвистических описаниях // А.А. Зализняк. “Русское именное словоизменение” с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.
- Кибрик 1997 – А.Е. Кибрик. Иерархии, роли, нули, маркированность и “аномальная” упаковка грамматической семантики // В.Я. 1997. № 4.
- Корбет, Фрэзер 1997 – Г.Г. Корбет, Н.М. Фрэзер. Компьютерная лингвистика и типология // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 2.
- Тестелец 2003 – Я.Г. Тестелец. Грамматические иерархии и типология предложения. Дисс. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. М., 2003.
- Якобсон 1936/1985 – Р.О. Якобсон. К общему учению о падеже // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Aikhenvald, Dixon 1998 – А.Ю. Aikhenvald, R.M.W. Dixon. Dependencies between grammatical systems // Language. V. 74. 1998. № 1.
- Bierwisch 1967 – М. Bierwisch. Syntactic features in morphology: general principles of so-called pronominal inflection in German // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. V. I. The Hague; Paris, 1967.
- Carstairs 1984 – А. Carstairs. Outlines of a constraint on syncretism // Folia linguistica. V. 18. 1984.
- Carstairs 1987 – А. Carstairs. Allomorphy in inflexion. London, 1987.
- Carstairs-McCarthy 1998 – А. Carstairs-McCarthy. How lexical semantics constrains inflectional allomorphy // Yearbook of morphology 1997 / G. Booij, J. van Marle (eds.). Dordrecht, 1998.
- Corbett 1991 – G.G. Corbett. Gender. Cambridge, 1991.
- Corbett 2000 – G.G. Corbett. Number. Cambridge, 2000.
- Dixon 1994 – R.M.W. Dixon. Ergativity. Cambridge, 1994.
- Dryer et al. (eds.) 2005 – World atlas of language structures / M. Dryer, D. Gil, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Oxford, 2005.
- Harley, Ritter 2002 – H. Harley, E. Ritter. Person and number in pronouns: A feature-geometric analysis // Language. V. 78. 2002.
- Müller et al. (eds.) 2004 – Explorations in nominal inflection / G. Müller, L. Gunkel, G. Zifonun (eds.). Berlin, 2004.
- Noyer 1997 – R. Noyer. Features, positions and affixes in autonomous morphological structure. New York, 1997.
- Noyer 1998 – R. Noyer. Impoverishment theory and morphosyntactic markedness // Morphology and its relation to phonology and syntax / S.G. Lapointe, D.K. Brentari, P.M. Farrell (eds.). Stanford, 1998.
- Silverstein 1976 – M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // Grammatical categories in Australian languages / R.M.W. Dixon (ed.). Canberra, 1976.
- Stump 2001 – G. Stump. Inflectional morphology: A theory of paradigm structure. Cambridge, 2001.
- Wunderlich 2004 – D. Wunderlich. Is there any need for the concept of directional syncretism? // Explorations in nominal inflection / G. Müller, L. Gunkel, G. Zifonun (eds.). Berlin, 2004.